

Н. А. Куценко
ИЗ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО
КАНТОВЕДЕНИЯ XIX ВЕКА

Статья Н. Куценко «Из российского кантоведения XIX века» посвящена распространению и изучению философии Канта в России в первой половине XIX века. Рассматривается как сам процесс распространения сведений об учении Канта в печати, так и изучение его наследия в профессиональной философской среде, в частности в духовно-академической. Для иллюстрации данного процесса привлечены архивные материалы.

The article «From the Russian studying of Kant's philosophy in the XIX century» is devoted to the interpretation of spreading and studying of Kant's philosophy in Russia at the first part of XIX century. Under the attention is the studying of Kant's heritage in the professional philosophical sphere, in particular at the spiritual academies. The archive materials has been include.

Ключевые слова: философия, богословие, категорический императив, академическая философия, кантоведение.

Моральная доктрина Канта как одного из самых великих европейских философов XVIII века волновала образованную европейскую общественность не только на протяжении XIX века, но и сегодня. В данной статье свою задачу мы видим в привлечении внимания широкого круга историков философии к необходимости непосредственного анализа текстового материала XIX столетия, который позволяет дать адекватную характеристику стиля мышления, оценку философской линии того или иного философа или богослова. В российском кантоведении такого материала достаточно много, и он является не столько неизученным, сколько не востребованным по различным причинам. В последнее десятилетие интерес к изучению профессиональной философии в России и соответственно к отечественной профессиональной философской традиции в Новое время заметно возрос. Академическая философия как одна из частей профессиональной философии постепенно начинает получать надлежащую оценку [см. 1—4; 8; 11].

В западной философской традиции имелись не только сложившиеся корпорации, но и школы как научно-теоретические направления. В России в XVIII—XIX веках также вполне сформировалась профессиональная философская школа, в том числе на уровне первичной выучки, кропотливого изучения огромного массива первоисточников, преподавания основных философских дисциплин. Она существовала и опиралась на собственную учебную структуру в лице академий, семинарий, первых университетов, а также на развитую западную традицию, чей богатый опыт нельзя было не учитывать. Когда происходило сбалансированное соединение школьной, школярской, схоластической и внешкольной, независимой, творческой тенденций, тогда наступали наиболее благоприятные условия для развития философии и всей культуры, как было в России в середине XIX — начале XX века.

Формирование русской гуманитарной научной лексики происходило на протяжении XVIII — начала XIX столетия. Началось оно с Петровских реформ в области языка в самом начале XVIII века и далее продолжалось на протяжении всего века, образно называемого «веком переводов».

Вначале проясним общую картину проникновения и усвоения идей немецкой классической философии в Российской империи в первой половине XIX века, обозначив место, которое в данном процессе занимала философия Канта. Первые сведения о Канте появились в России еще в 80-х годах XVIII столетия. В 1786 году в Москву из Геттингена прибыл немецкий ученый-философ Людвиг Мельман. В 1792—1794 годах он преподавал в Московском университете. Мельман был одним из первых кантианцев, причем он был более популяризатором, нежели критиком учения Канта. В «Биографическом словаре преподавателей Московского университета» ему дана следующая характеристика: «Восторгаясь новой философией, очень свободно и неосторожно высказывал односторонние и неверные свои мысли касательно предметов религиозных, по причине чего в соответствии с указом университетского руководства в январе 1795 года был уволен и вынужден покинуть нашу страну» [5, с.46—47]. Если иметь в виду, что на лекциях Мельмана, которые он читал на немецком языке, присутствовала достаточно большая аудитория, то можно сделать вывод, что возможность российской интеллигенциизнакомиться с сочинениями Канта непосредственно, а также и с критической литературой относительно его взглядов на немецком языке, существовала.

В «Письме российского путешественника» Н. М. Карамзина, опубликованном в 1791 году в «Московском журнале», Карамзин рассказывал про свой визит к знаменитому философу Канту 18 июня 1789 года, что свидетельствует о том, что о Канте в России было известно задолго до появления его работ на русском языке. З. А. Каменский, ссылаясь на «Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1903 год», уведомляет, что в 1794 году даже возникло дело об избрании Канта в Петербургскую академию наук [6, с. 55]. Лекции немецкого профессора Шадена по этической философии, читаемые им в Московском университете с 1795 по 1797 год, также основывались на началах критической философии. Однако необходимы были десятилетия, прежде чем «журнальная эпопея» Канта, начавшаяся с 1802 года, закончилась полным изданием его «Критик» на русском языке.

В литературе существует несколько точек зрения на время и место появления работ Канта на русском. Э. Радлов в «Очерке развития русской философии» пишет, что имя Канта впервые услышали в лекциях харьковского профессора М. Осиповского, а сочинения самого Канта были переведены позднее. Так, «Критика чистого разума» переведена М. И. Владиславлевым в

70-х годах [9, с.16]. В статье В. Чуйко «Русская философия» также говорится о том, что первым «напал» на Канта Осиповский [12, с.15]. В научной литературе, по мнению Э. Радлова, впервые начал писать о Канте профессор Казанского университета А. С. Лубкин. Он издал в журнале «Северный вестник» за 1805 год «Письма о критической философии» [9, с.15]. Необходимо упомянуть об этих авторах, поскольку их труды присутствуют в библиографических справочниках по истории русской философии. Но широкий круг читателей и исследователей получает не совсем верную информацию.

Основываясь на публикациях вышеупомянутых авторов, а также на работах В. Зеньковского, Г. Шпета, архимандрита Гавриила, А. Галича, З. Каменского, сделаем обобщающий обзор русскоязычной литературы по Канту начала XIX века, чтобы показать настоящее состояние дел в данном вопросе, однако это также не окончательный библиографический обзор.

Итак, журнал «Вестник Европы» в № 6 за 1802 год публикует статью «Кантова философия во Франции» автором которой скорее всего является Н. М. Карамзин, где рассматривается критика кантовского идеализма. В 1803 году на Украине в Николаеве издаётся первый русский перевод Канта «Кантовы основания для метафизики нравов», автором которого был преподаватель ппурманского училища Яков Рубан. В том же году первое критическое изложение Канта на русском языке дано в книге К. Шпрентеля в переводе В. Джунковского «Критическое состояние врачебной науки в последнее десятилетие». В 1805 году А. С. Лубкин опубликует в «Северном вестнике» (№ 8, 9) свои «Письма о критической философии», в которых даётся оценка гносеологическим воззрениям Канта. Его же критика этического учения Канта присутствует в работе «Очерк логики», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1807 году. В 1804 году «Санкт-Петербургский журнал» (№ 10) помещает статью К. Вилерса «Эммануил Кант — великий философ и человек». В 1807 году выходит в свет «Кантова философия» в переводе с французского А. Петрова. Журнал «Вестник Европы» № 24 за 1808 год публикует «Письмо Канту от неизвестного» и «Ответ Канта». В журнале «Улей» за 1812 год (№ 14, 15, 16) публикуется «Очерк эстетики, извлеченный из Кантовой критики эстетического суждения». Двумя годами позднее выходит книга «Эммануила Канта наблюдение о чувстве прекрасного и величественного». Наряду с этими произведениями Канта публикуется также переводная критическая литература. Например, в журнале «Мнемозина» появляется сочинение «Элейская метафизическая школа Одоевского и Кант» из записей госпожи М. Ж. Сталь. Её же работа «О знатнейших философах, которые были до и после Канта» публикуется в «Соревнователе просвещения и благотворительности» № 9 за 1824 год. В большинстве работ также присутствует библиография по Канту и критической литературе, особенно в данном плане выделяется «История философских систем» А. Галича, изданная в Санкт-Петербурге в 1818—1819 годах.

Приведенный выше, как мы считаем, далеко не полный обзор русской кантоведческой литературы начала XIX столетия свидетельствует о постоянном интересе к философии Канта, а также и о различной её оценке. С усилением влияния немецкой классической философии на культурную жизнь России возрастает интерес и к кантовскому наследию, особенно сказанное касается этического учения Канта. Практическая философия изначально была более популярна, нежели критическая философия, поскольку была свободна от чрезмерно «тяжелой гносеологии». Стоит еще раз вспомнить, что первое произведение Канта на русском языке было издано на Украине и представляло именно его этические взгляды.

Русская кантоведческая литература XIX века, рукописная и печатная, требует своего постоянного исследования и пополнения. Из изученных нами многочисленных рукописных источников в архивах Киевской духовной академии первой половины — середины XIX века, относящихся к кантоведению, обратим внимание на те, которые соприкасаются непосредственно с преподавательской сферой. Выделим, прежде всего, рукописные лекции профессора И. М. Скворцова по «Философии религии», большая часть которых посвящена понятию Бога в философии Канта [10]. Не забудем также и о напечатанном труде И. М. Скворцова «Краткое обозрение Кантовой религии в пределах одного разума», вышедшем в Санкт-Петербурге в 1838 году.

Ниже для широкого ознакомления представим отрывки из двух рукописных произведений Серафима Серафимова, выпускника, а в дальнейшем профессора Киевской духовной академии. Рукописи «Какое различие между христианским и философским нравоучением?» и «О Кантовом начале нравственности» на шести листах датированы 1837—1841 годами и представлены в описи как студенческие семестровые сочинения 1837—1841 годов¹.

I. Под № 766 находится студенческое сочинение Киевской духовной академии воспитанника 10 курса (1837—1841 гг.) Серафима Серафимова. Данная рукопись поступила в музей от Надежды Яковлевны Серафимовой 20 сентября 1904 г. в г. Одессе. Здесь и далее выделенные курсивом слова и выражения тем или иным образом сделаны в оригинале автором.

«Какое различие между христианским и философским нравоучением?»

Главное и существенное отличие между философским и христианским нравоучением состоит *в цели*, которой предполагает достигнуть то и другое. Они, по-видимому, только сходны между собой в этом отношении. ...Нравоучения ума ограничиваются только извлечением закона внутреннего, изложением требований, начертанием некоторых правил деятельности и указанием нескольких средств, облегчающих путь добродетелям. Но исполнит ли все это человек и как исполнит — об этом ум не заботится. <...> Цель христианского нравоучения — приготовить в человеке способность действия правильного — исправить волю, привести в такое состояние, в котором она не могла бы уклониться от закона; истребить в человеке всякую наклонность ко злу. Словом — возратить человека в состояние невинности, восстановить в нем образ Божий, *возродить* его. Философское нравоучение старается только предохранить человека, чтобы он не впал в состояние, совершенно унижающее его природу. А цель христианского нравоучения — возвысить природу человека до соединения ее с природою божественною, до богоуподобления. Отсюда видим дух того и другого нравоучения. Философское нравоучение не проникает глубоко в природу человека, не видит и как бы не хочет видеть всей порчи сердца человеческого, потому правила его только смягчают и прикрывают нравственные болезни наши, не исцеляя их совершенно, (оно) не содержит ничего такого, чтобы изгонять из нашего сердца гордость — образ дьявола. <...>

Различающиеся между собою *целью и духом*, христианская и философская нравственность различаются еще *началами* своими. <...> До Канта... все начала, на которых философы построили свои нравственные системы, были безнравственны, что и доказал глубокомысленный Критик. <...> У самого Канта оно *односторонне*, ибо определяет одну форму действий, не говоря ничего о предмете и цели их. ...Оно также основано на самолюбии и эгоизме, ибо оценка действий в нем предоставляется всеобщему разуму практическому

¹ Об изучении рукописных архивов Киевской духовной академии см. [7].

— судьбе не всегда верному и беспристрастному; ... который так много утратил первобытного света.

Направительное начало христианской деятельности есть церковь — начало непогрешительное или безопасное. (Возлюби Господа своего и ближнего как сам себя.) . *Любовь* — вот причина деятельности христианина! Далека любовь философская от любви христианина».

О данном тексте можно сказать, что в нем начинается проявляться полемический дух, свойственный любой богословской традиции и воспитуемый у академистов, но также и то, что нравственная теория «глубокомысленного критика» не может не вызывать глубокие симпатии богословов.

П. С. Серафимов. *О кантовом начале нравственности.*

Печатается согласно рукописи: Институт рукописей НБУ.— КДА.—327 Л. (Муз. 909).

I часть

(Л.1) «Две вещи более всего, говорит Кант, исполняют дух мой удивления и благоговения: звездное небо надо мною и закон нравственный во мне. Это глубокое уважение, какое имел Кант к нравственному закону, было причиною того, что он обратил преимущественное внимание на нравственную сторону человеческого ума и возвысил ее пред теоретическою. Это побудило его вооружиться против ложных систем нравственности и опровергнуть все те начала, которые основаны или на понятии о счастье, или на других посторонних побуждениях. Каково же учение о нравственности самого Канта? Дабы видеть это, нужно обратить внимание на самое начало нравственности, которое поставляет Кант во главу своего нравоучения.

Кантово начало нравственности есть следующее: поступай так, чтобы правило твоей воли могло быть всеобщим законом. Явно, что это начало совершенно отлично от материальных, отвергнутых Кантом начал. Здесь нет никаких побуждений чувственных и никаких внешних причин, определяющихся четко с сообразной с законом деятельностью. (Л.1об) Предметом нравственной деятельности не должно быть здесь ни счастье, ни одно собственное совершенство, ни воля Божия: ничто это не имеет прямого, непосредственного отношения к человеку: все это, *говорит Кант* (выделена дописка преподавателя. — Н. К.), материально.

Человек в действиях своих должен иметь одно в виду: как поступать, чтобы быть существом нравственным, как выдержать права своего практического разума, не соображаясь ничем вне себя. Закон нравственности и свобода: вот два деятеля, которыми человек должен руководствоваться на пути деятельности. Закон, как закон, есть форма действия; а для человека и нужно только знать ясно эту форму, этот образец, чтобы деятельность его была во всем согласна с ним, согласна с законною деятельностью других, с истинным благом общества и вообще с нравственным порядком, который всеми признан и которому должны следовать все. Я хочу, например, обогатиться и употребляю для сего следующее средство: вместо настоящей цены известной вещи я беру вдвое и втрое. (Л. 2) Но поелику такой способ обогащения не может быть принят всеми потому, что он не согласен с общим благом, и действовать по нему, верно, не станут все потому, что все почти более или менее убеждены в его несправедности; то такой способ обогащения не может и не должен быть правилом моей деятельности. Из всего видно, что человек в действиях своих, во всяком случае, должен отказываться от внешних выгод и оперировать всем для исполнения закона для того, чтобы действие его могло быть всеобщегодным, действовать единственно из уважения к всеобщему нравственному законодательству, которое всеми должно быть признано и освящено; а что будет

следствием такой деятельности, какие плоды ее, какая награда за нее, — этого не представлять. Черта прекрасная! Чем более поступки человека бескорыстнее, тем они выше, тем благороднее. И начало нравственности, выражающее и предписывающее подобное бескорыстие, такую любовь к закону (Л. 2 об.), как закону, заслуживает похвалу и одобрение. Человек в таком случае есть самостоятельный исполнитель внутреннего закона по одному разумному убеждению в справедливости его требований. Но этим, кажется, и ограничивается достоинство Кантова начала, и оно также не изъято от недостатков.

Кантово начало определяет одну форму действия, не показывая самого предмета и цели деятельности. Это также крайность! Человек, пока имеет склонность, *сердце* не может ничего не желать на пути своей нравственной деятельности; не может не представлять той последней цели, куда должны быть направлены все разнообразные его склонности, не может не вопрошать себя: где истинный конец моим подвигам, где успокоение будет от трудов? И в самом деле, будто человек в том только и погрешает, что не знает, как действовать: как законно *мыслить*, желать и поступать.

II часть

(Л. 3)... Не более ли мучается человек оттого, что не знает, *куда* направить свои стремления. Сердце его (человека) не знает, на что броситься, оно... прилепляется к благам мнимым. Гораздо благодетельнее был бы тот нравоучитель, который бы увидел это истинное благо человека ... которое удовлетворило бы его сердцу и утолило жажду его богоподобного духа. И тогда определил, *какими путями* достигнуть можно сего блага.

(Л. 3 об.) ...Следовательно, надобно указать человеку не только одну форму действия, но и самую цель его... Итак, предписывать такое начало нравственности (вновь цитирует Канта. — Н.К.), не означая *куда* должно вести такое действие — значит отнимать у нравственности всю утешительную сторону ее, значит предписывать холодный стоицизм.

...Кант боится определить предмет деятельности, чтобы остаться верным своей системе, по которой практический разум возвышен над всеми способностями человеческими, но и самый Бог — источник разума и всякой нравственности — едва приметен позади его. <...> Кант как бы уверен, что для человека более ничего не нужно, как только действие. <...> Здесь явная односторонность.

(Л. 4 об.) Кант истощает все тонкости умствования, чтобы исключить из круга действий человека самые священные из них — обязанности к Богу. <...> Но против этого будет вечно вооружаться сердце человека. Без этой любви (к Богу) нравственность обращается в чистый эгоизм.

(Л. 5) Кант признает идею Бога, годную только для утверждения нравственного чувства, а при самом исполнении закона нужно исполняться любовью и уважением не к Богу, а к закону (практическому разуму). Но не лучше ли прежде утвердиться в любви к Законодателю? Страх Божий, говорит мудрец, ничем не меньший Канта, есть начало истинной премудрости и, следовательно, всякой истинной нравственности.

...Таким образом (у Канта. — Н. К.) все добродетели будут иметь целью угождение практическому разуму, как будто выше ничего нет. <...> Добродетельный по духу Кантова правила легко может перейти к нравственной гордости, но действующий по нашему христианскому правилу... всегда имеет причину смиряться... Так наше начало ведет к смирению — основанию христианской нравственности, а Кантово — к эгоизму».

Далее в рукописи приводится пример о богатом, который жертвует своими приобретениями, и замечается, что по логике Канта действия, которые не

могут быть общим законом для всех, не должны быть предметом деятельности. Если все так будут поступать — не будет ни одного богача в обществе, таким образом подчеркиваются противоречия учения Канта о нравственном законе.

Как показывают приведенные выше тексты, отечественная философская мысль была издавна связана с богословием, поэтому их совместное рассмотрение было и остается одним из наиболее перспективных направлений как в изучении собственно философского знания, так и духовной культуры в целом. Предполагавшую не только гармонию, но и определенные коллизии связь философской и богословской проблематики необходимо рассматривать как взаимообусловленные стороны единого процесса развития отечественного мышления. Даже исследование частных вопросов этой взаимосвязи показывает недостаточную приемлемость общих историко-философских методик исследования и требует своего выделения в частное направление, требующее применения специфической методологии. В этом процессе особую роль играет изучение русского кантоведения.

Список литературы

1. *Абрамов А. И.* Сборник научных трудов по истории русской философии. М., 2005.
2. *Алдеева Л. Р., Абрамов А. И., Жуков В. Н.* Философия в духовных академиях и университетах в XIX — начале XX в. Философско-правовая мысль // История русской философии. М., 2001. С. 285—334.
3. *Бажанов В. А.* Прерванный полёт: История «университетской» философии и логики в России. М., 1995.
4. *Баранец Н. Г.* Философское сообщество: Структура и закономерности становления (Россия рубежа XIX — XX веков). Ульяновск, 2003.
5. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета:* В 2 ч. М., 1855. Ч.2.
6. *Каменский З. А.* Кант в русской философии начала XIX века // Вестник истории мировой культуры. № 1. М., 1960.
7. *Куценко Н. А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). М., 2005.
8. *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России. М., 2003.
9. *Радлов Э.* Очерк истории русской философии. Птб., 1920.
10. *Скворцов Иоанн.* Лекции по философии религии (Часть 1) (Издание рукописи и комментарии Н. А. Куценко // Философия религии: альманах. 2006—2007. М., 2007. С. 393—427.
11. *Цык И. В.* Духовно-академическая философия в России XIX в. М., 2002.
12. *Чуйко В.* «Русская философия» // Киркнер Фр. История философии с древнейшего до нашего времени. М., 1919.

Об авторе

Куценко Наталья Александровна — канд. филос. наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН, dr_gromov@mail.ru.